

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

XV.

Причины, замедлившія открытіе турецкой кампаніи.—Почему войска польской арміи не участвовали въ войнѣ противъ турокъ?—Процессъ „восьми патриотовъ“ въ Варшавѣ.—Взгляды кабинетовъ тюльерискаго и лондонскаго на войну Россіи съ Турціей.

Императоръ Николай предполагалъ отправиться въ дѣйствующую армію при открытіи кампаніи, которая не могла однако начаться рано, хотя войска были уже сосредоточены въ Бессарабіи и готовы перейти Прутъ еще въ послѣднихъ числахъ декабря 1827 года. Въ главной квартирѣ графа Витгенштейна ожидали только прибытія гвардіи и осадной артилеріи. Между тѣмъ зима открылась необыкновенно сильными морозами, распространившимися даже на южныя губерніи; судоходство въ Черномъ морѣ прекратилось, и корабли, запертые льдомъ, оставались въ портахъ. Стужа, продолжавшаяся непрерывно болѣе четырехъ мѣсяцевъ, затруднила бы всякое движеніе войскъ; притомъ, судя по огромному количеству выпавшаго снѣга, можно было предвидѣть, что распутица будетъ продолжительная и замедлитъ даже весной начало военныхъ дѣйствій.

По всѣмъ этимъ причинамъ, государь медлил обнародованіемъ манифеста о войнѣ: онъ желалъ, чтобы кампанія могла открыться непосредственно послѣ объявленія войны.

Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ, впрочемъ, думать, что императоръ имѣлъ вначалѣ мысль открыть кампанію зимой

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12, и 1868 г., №№ 1, 3, 4 и 5.

или, по крайней мѣрѣ, двинуть войска въ Молдавію еще въ декабрѣ 1827 года, ибо, въ это время, многіе молдаванскіе бояре принуждены были выѣхать по приказанію турецкаго правительства, которое однако не посылало своихъ войскъ въ дунайскія княжества, хотя здѣсь, со дня на день, ожидали прибытія русскихъ властей.

Между тѣмъ, и въ Кіевѣ уже говорили о скоромъ прѣздѣ его величества.

Пѣхота польской арміи, выступившая въ походъ на соединеніе съ частію войскъ гвардейскаго корпуса, въ окрестностяхъ Кіева, получила приказаніе вернуться на свои кантонирь-квартиры. Приказаніе было тѣмъ неожиданнымъ, что, для замѣны ея, въ царство Польское уже былъ направленъ литовскій корпусъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта барона Розена, главная квартира котораго назначена въ Варшавѣ. Многіе офицеры польской арміи, уѣхавшіе или готовившіеся ѣхать въ Бессарабію, чтобы находиться при открытіи кампаніи, были отозваны по высочайшему повелѣнію; они узнали съ сожалѣніемъ, что, вслѣдствіе новаго рѣшенія императора, ни одна часть польской арміи не приметъ участія въ войнѣ и что самъ великій князь Константинъ Павловичъ просилъ уволить его отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Неожиданная отмѣна повелѣнія и внезапное измѣненіе первоначальнаго плана кампаніи, отложенной до весны, зависѣла отъ важныхъ и новыхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ царствѣ Польскомъ. Здѣсь, и особенно въ Варшавѣ, господствовало общее волненіе умовъ, вслѣдствіе нескончаемаго политическаго процесса, все еще производившагося въ верховномъ сеймовомъ судѣ. Послѣ того, какъ высочайшимъ указомъ 6-го (18-го) апрѣля 1827 года дѣло было передано въ этотъ судъ, восемь человѣкъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ, возбуждали въ высшей степени сочувствіе къ себѣ извѣстныхъ слоевъ польскаго общества; они нашли жаркихъ защитниковъ въ аристократіи, къ которой принадлежали всѣ, въ національной арміи, гдѣ имѣли многочисленныхъ соумышленниковъ, бывшихъ членами тайныхъ обществъ, и среди молодежи, которая видѣла въ государственныхъ преступленіяхъ благородную любовь къ „ойчизнѣ“. Черезъ дѣятельное и могущественное посредничество женщинъ, восемь обвиненныхъ сдѣлались поводомъ предметомъ восторженнаго удивленія и внезапно преврати-

лись въ жертвы и въ перошь. Даже сенаторы не устояли противъ неодолимой силы фанатической пропаганды. Первыми дѣйствіемъ верховнаго варшавскаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ престарѣлаго графа Бѣлынскаго, было отрицаніе и уничтоженіе всего сдѣланнаго смѣдственною комиссіей и назначеніе новой таковой же коммисіи, въ которой русскій элементъ исчезъ окончательно. Членами комисіи были назначены исключительно лица, жарко сочувствовавшія обвиненнымъ, и они со всеусердіемъ принялись перерабатывать всѣ бумаги, ловко уничтожать всѣ признанія, улики и доказательства, подтверждавшія, по первоначальному сѣдствію, существованіе, дѣль и проски такъ называемаго Патриотическаго Общества. Да и сами обвиненные, люди искусившіеся во всякаго рода мошенничѣхъ и заговорахъ, думали слишкомъ хорошо воспользоваться благорасположеніемъ къ себѣ сѣдвателей и судей. Особенно Северинъ Кривжановскій, одинъ изъ восьми, обдарили, при допросахъ, столько хитрости, столько упорства, что затруднили сѣдвателей дойти до источника заговора и тѣмъ выгородили нѣкоторыхъ офицеровъ польской арміи. Огъ старался распространить и утвердить мысль, что польская армія не принимала рѣшительно никакого участія въ тайныхъ обществахъ, въ чемъ и успѣлы: члены комисіи убѣдились, или притворились убѣжденными, что польскую армію сѣдуетъ исключить изъ судебного процесса. Съ своей стороны великій князь, какъ главный начальникъ этой арміи, не хотѣлъ, чтобы она была подвергнута сѣдствію, что неизбежно отовмалось бы вредно на дисциплинѣ и на общемъ духѣ войска, открывъ двери доносамъ, шпіонству и мести. Потому цесаревичъ, пользуясь данною ему властію, приказалъ не производить никакихъ сѣдствій въ поляхъ для открытія въ нихъ новыхъ элементовъ обвиненія противъ восьми человекъ.

Такимъ образомъ былъ устраненъ фактъ государственной измены, служившій основаніемъ процессу.

И однакожь польская армія, въ цѣломъ своемъ составѣ, вполнѣ сочувствовала идеямъ и намѣреніямъ заговорщиковъ, мечтавшихъ о восстановленіи независимой Польши. Цесаревичъ зналъ о такомъ настроеніи умовъ, одинаковомъ на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи, и, извѣщая о томъ императора, выразилъ мнѣніе, что опасно было бы затрогивать въ царствѣ

Польскомъ патриотическое чувство и раздражать умы строгими мѣрами, какъ бы онѣ ни были справедливы.

Императоръ Николай Павловичъ, въ столь щекотливомъ дѣлѣ, не уклонился отъ того уваженія, которое всегда оказывалъ своему старшему брату: онъ облекъ его самыми обширными полномочіями и ему одному предоставилъ рѣшать вопросы, касавшіеся царства Польскаго. Его величество признавалъ только, что польская армія, какъ вмѣстителище политическаго броженія умовъ, не можетъ участвовать, рядомъ съ русскими войсками, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи.

Вотъ почему, въ продолженіе всей турецкой кампаніи, части польской арміи оставались въ бездѣйствіи на границахъ Галиціи.

А между тѣмъ процессъ о тайныхъ обществахъ все еще не оканчивался, хотя сенаторы, составлявшіе верховный судъ, засѣдали почти безсмысленно. Можно было предвидѣть, что судъ кончится если не полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ, то по крайней мѣрѣ легкими взысканіями.

Слѣдственная комісія исполнила однако свою обязанность. Вице-предсѣдатель верховнаго суда, Винкентій Красинскій, несмотря на свою извѣстную преданность польскому дѣлу, не побоялся объявить своимъ товарищамъ, что подсудимые дѣйствительно виновны. Онъ предложилъ поручить ихъ милосердію императора, примѣнивъ законъ, осуждавшій виновныхъ если не за государственную измену, то за содѣйствіе образованію въ царствѣ тайныхъ политическихъ обществъ. Но предсѣдатель, старикъ Бѣльинскій, хотя и признавалъ, что хотя большая часть фактовъ, возводимыхъ на подсудимыхъ, бесспорно граничитъ съ обвиненіемъ, однако, по его мнѣнію, эти факты переставали быть предосудительными въ виду патриотическаго чувства, руководившаго виновными. „Мы должны судить восемь человекъ — прибавилъ Бѣльинскій — а въ Польшѣ многія тысячи лицъ прикосновенны къ дѣяніямъ, въ которыхъ обвинены подсудимые, слѣдовательно и они должны нести одинаковую отвѣтственность“. Подъ стражей дѣйствительно находились еще многіе изъ поляковъ, арестованныхъ слишкомъ за годъ передъ тѣмъ; но можно было думать, что ихъ освободятъ, потому что великій князь Константинъ выразилъ положительное желаніе видѣть процессъ заключеннымъ въ тѣ предѣлы, которые были даны ему въ минуту перенесенія его въ сеймовый

трибуналь. Оттого-то къ восьми обвиненнымъ не прибавилось ни одного изъ ихъ соучастниковъ, поименованныхъ при допросѣ, по неосторожности или умышленно, княземъ Антономъ Яблоновскимъ, Александромъ Оборскимъ, Огинскимъ и другими. Только поляки, жившіе въ предѣлахъ имперіи (въ Литвѣ, на Волыни, въ Украйнѣ), и болѣе или менѣе прикосновенные къ дѣлу, были отосланы въ С.-Петербургъ и здѣсь судимы правительствующимъ сенатомъ.

Но между тѣмъ какъ въ Петербургѣ никто не интересовался результатами этого уголовного дѣла, процессъ „восьми патриотовъ“ (такъ величали ихъ ляхи) проиаводилъ и въ Варшавѣ, и во всемъ царствѣ Польскомъ усиленное волненіе умовъ и служилъ поводомъ къ политическимъ сборищамъ не только въ польской арміи, но въ военныхъ школахъ и въ университетѣ. Особенно школа подпоручиковъ въ Варшавѣ была очагомъ нескончаемыхъ заговоровъ, чѣмъ и воспользовался Высоцій для составленія изъ своихъ товарищей тайнаго общества, предназначеннаго подготовить пробужденіе независимой Польши. Такимъ же дѣятелемъ въ университетѣ былъ профессоръ Іоаннимъ Делеваль, неперестававшій подстрекать бурные умы студентовъ.

Зловредное вліяніе революціоннаго духа проникло и въ сеймъ. Воспользовавшись своимъ созваніемъ въ качествѣ верховнаго уголовного суда, онъ образовалъ въ средѣ своей оппозицію, въ одно и то же время монархическую, либеральную и республиканскую, съ твердымъ намѣреніемъ бороться, подъ этими тремя различными формами, противъ принципа русскаго господства. Наиболѣе нетерпѣливые и наиболѣе запальчивые сенаторы склонялись къ крайнимъ мѣрамъ и говорили о призваніи страны къ защитѣ будто бы нарушенныхъ правъ; другіе условились вести противъ Россіи войну глухую, неустанную, неумолимую, и медленно работать надъ отдѣленіемъ царства отъ имперіи. Князь Адамъ Чарторыйскій нарочно пріѣхалъ изъ-за границы, чтобы открыто стать въ главѣ монархической партіи, намѣревавшейся возстановить польскій престолъ (на которомъ и желалъ воцѣлеть самъ князь Адамъ) добраго стараго времени. Либеральная же партія, руководимая братьями Нѣмюевскими, взяла себѣ за образецъ лѣвую сторону французской палаты депутатовъ: она хотѣла дѣйствовать противъ русскаго правительства оружіемъ, которое давало ей въ руни кон-

ституція царства. Ожидали только разрѣшенія императрица отырыгіе ежегодныхъ засѣданій сейма, чтобы начать жестокою, но ловко скрытую войну противъ политической организаціи, дарованной Александромъ I царству Польскому. До тѣхъ же перъ, процессъ „восьми патриотовъ“ представлялъ лучшее поле, на которомъ можно было снять смуту и собирать богатую жатву обидаго сочувствія къ національному дѣлу.

Великій князь Константинъ Павловичъ былъ завѣщаемъ обо всемъ; происходившемъ въ сборищахъ сената, но мало тревожился этими вознями, рассчитывая на взаимную вражду сенаторовъ. Притомъ онъ вѣрилъ, что большинство полагается на него; считаетъ его прочѣйшею опорой царства; словомъ, цесаревичъ вѣрилъ, что поляки, особенно послѣ брака его съ княгиней Ловичъ, преданы ему. Въ сущности же, именно въ эту минуту, онъ менѣе чѣмъ когда-либо пользовался популярностью въ странѣ, о пользахъ и судьбахъ которой такъ много заботился.

Въ послѣдніяхъ числахъ декабря 1827 г. цесаревичъ не поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы встрѣтить новый годъ въ императорскомъ семейномъ кругу, по обычаю, принятому имъ еще въ царствованіе Александра. Говорили, будто его удержала княгиня Ловичъ, но едва-ли эта причина побудила великаго князя остаться въ Варшавѣ: его ещѣ беззаконилъ тотъ оборотъ, который верховный судъ хотѣлъ дать преніямъ процесса восьми поляковъ, вслѣдствіе чего великій князь старался, черезъ своихъ министровъ и приверженцевъ, устранить то, что, по его мнѣнію, грозило серьезною опасностію не только общеслвенному порядку, но и конституціоннымъ правамъ царства. Сенатъ постановилъ однако въ принципѣ, что пренія будутъ происходить въ публичномъ засѣданіи и что подсудимые, оправданіе которыхъ уже заранѣе было рѣшено, могутъ избрать себѣ защитниковъ между варшавскими адвокатами.

Желая лично объяснить императору тревожное положеніе дѣлъ въ царствѣ, цесаревичъ отправился въ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи князя Любцоваго, министра финансовъ царства. Онъ прибылъ 12-го (24-го) января, а чрезъ десять дней уѣхалъ опять въ Варшаву, такъ что о присутствіи его въ столицѣ знали лишь весьма немногіе. Всѣ эти десять дней были проведены великимъ княземъ въ совѣщаніяхъ съ императоромъ и съ императрицею-матерью о дѣлахъ исключительно царства

Польскаго. По чувству деликатности, онъ постоянно отказывался вмѣшиваться, даже выраженіемъ своего мнѣнія, въ общія дѣла имперіи и особенно въ правительственныя дѣйствія; съ своей стороны, и Николай Павловичъ предоставлялъ старшему брату полную свободу рѣшать, по своему усмотрѣнію, административные вопросы, касавшіеся царства. Императоръ совѣтовалъ только цесаревичу не допускать въ недрахъ сейма преступнаго противодѣйствія верховной власти и заговоровъ; онъ все еще надѣялся, что судьи польскихъ заговорщиковъ останутся вѣрными своимъ обязанностямъ; но, не желая, въ виду войны съ Турціей, усложнить и безъ того труднаго положенія, государь былъ мало расположенъ разрѣшить открытіе засѣданій польскаго сейма.

Отъѣздъ его величества въ армию былъ назначенъ послѣ празднича Пасхи.

Въ этотъ годъ (1828) въ Зимнеи дворцѣ было мало пріемовъ; императорская фамилія ограничивалась тѣснымъ семейнымъ кругомъ, который увеличился, въ декабрѣ 1827 г., пріѣздомъ принца Вильгельма Прусскаго и принца Оранскаго. Сначала императрица Марія Феодоровна надѣялась, что принцъ Оранскій, имѣвшій большое вліяніе на императора, отговорить его отъ похода въ дѣйствующую армию; но, наконецъ, поворилась разлукъ, тѣмъ ее страшившей, когда увидѣла, что принцъ не только не раздѣляетъ ея образа мыслей, но вполне одобряетъ намѣреніе императора принять личное участіе въ войнѣ, которая возбуждала неудовольствіе въ европейскіхъ кабинетахъ и становилась для Россіи вопросомъ чести, достоинства и политическаго значенія.

— „Когда увидать, что императоръ лично откроетъ кампанію и переправится за Дунай“ — сказалъ принцъ Оранскій въ подарѣніе своего мнѣнія — „тогда поймутъ, что Россія, сдѣлавъ такой шагъ впередъ, не можетъ отойти назадъ, и Европѣ останется только принять послѣдствія совершившагоса сакта.“

Только отъѣздъ императора Николая Павловича въ армию могъ заставить вѣрить въ войну, все еще казавшуюся сомнительною, потому что Портъ Отманской стояло лишь, для избѣжанія враждебнаго столкновенія, согласиться на справедливыя требованія Россіи и добровольно уступить ей нѣкоторыя пункты. Она могла бы сдѣлать это тѣмъ легче,

что именно наиболее спорные пункты не касались ни ее достоинства, ни ее нести, ни ее интересовъ.

Весьма шекотливое и весьма усложнившееся положеніе европейской политики въ случаѣ войны Россіи и Турціи внушило „Монитеру“, официальной газетѣ французскаго правительства, слѣдующія строки: „Трудно предвидѣть послѣдствія, но отношенію къ трактату 6-го іюля, тѣхъ вынудительныхъ поступковъ Порты, которые она направляетъ преимущественно противъ Россіи. Лондонскія конференціи еще продолжаются: надобно прислать предства: сохранить солидарности, которую Порты выдвигаетъ уничтожить, и согласовать занятіе дунайскихъ княжествъ—что она сдѣлала необходимыми—съ мѣрами, которыя слѣдуетъ принять одновременно со стороны Моравіи и Архидиакалы. Россійскій кабинетъ, до сихъ поръ приласшій столько жертвъ общему дѣлу, даетъ право думать, что она въ скорѣе будетъ содѣйствовать сохраненію согласія въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ; только обстоятельства болѣе настоятельны, чѣмъ непредвидѣнныя, побудили его сдѣлать, съ своей стороны, шагъ впередъ. Если же единомысліе—въ нарушеніи котораго еще идетъ поводъ сомнѣваясь—будетъ продолжать господствовать относительно мѣръ, принятыхъ для достиженія общей цѣли, то спокойствіе Европы можетъ быть обезпечено; ибо трудно допустить, чтобы Порты продолжала упорно пренебрегать провными демонстраціями со стороны европейскихъ державъ, связанныхъ взаимнымъ соглашеніемъ. Такое согласіе желательно для всѣхъ, для Порты по преимуществу. Сообразивъ опасность своего положенія, она должна же наконецъ позвать его. Мы желаемъ того. Какъ для нея, такъ и для мира Европы, вопросъ заключается теперь между Прутею и Дунаемъ“.

На ожидая открытія военныхъ дѣйствій, императоръ даль европейскимъ державамъ, въ особенности Франціи и Англіи, точныя сообщенія о причинахъ и цѣли войны, проившейся окрестности Востока. Еще въ февраль 1828 г. его величество приказалъ адресовать дворамъ лондонскому и парижскому декларацию о частныхъ отношеніяхъ Россіи къ Портѣ, о тѣхъ именно отношеніяхъ, которыя усложнились со времени акарманнаго трактата и прекратились совершенно вслѣдствіе безпрестанныхъ придиорокъ и несмысленныхъ дерзостей со стороны турецкаго правительства. Послѣ такого оскорбленія, послѣ такова нарушенія всѣхъ существующихъ трактатовъ, импера-

тору оставалось одно: рѣшиться дѣло оружіемъ, при всемъ его желаніи сохранить миръ. Его величество надѣялся однако, что новое положеніе, которому онъ вынужденъ подчиниться, не измѣнитъ ничего въ условіяхъ лондонскаго трактата и что три союзныя державы будутъ продолжать стремиться къ умиротворенію Греціи.

Что же касается до слуховъ, распространенныхъ злонамеренностію или страхомъ, о мнимыхъ опасностяхъ, грозившихъ общему миру, о честолюбивыхъ видахъ и о завоевательныхъ замыслахъ Россіи, то императоръ Николай Павловичъ не считалъ нужнымъ отвѣчать на эти неаппетитныя сплетни. Единственное его желаніе заключалось въ томъ, чтобы судоходство по Востору и плаваніе торговыхъ судовъ по Черному морю были отнынѣ безпреткновенны, чтобы трактаты между Россіей и Портой соблюдались свято, чтобы русскіе подданные, оскорбленные или притѣсненные турецкимъ правительствомъ, получили удовлетвореніе, и чтобы Россія была вознаграждена за военныя издержки, въ которыя вовлекло ее враждебное положеніе султана. Никогда не сомнѣваясь императоръ не только объ уничтоженіи, но и объ уменьшеніи отоманской державы, и до послѣдней минуты изъясняя готовность заключить съ нею миръ на основаніяхъ умѣренности и справедливости.

Всѣ эти объясненія точныя и прямодушныя, но запечатлѣнные непоколебимою рѣшимостію, не встрѣтили въ англійскомъ кабинетѣ такого благоприятнаго приѣма, какой они нашли при дворѣ французскомъ, несмотря на то, что съ 25-го января 1828 г. британское министерство было вновь образовано герцогомъ Веллингтономъ, истинно преданнымъ императору Николаю, хотя и не сторонникомъ русской политики. Французское правительство не обнаружило, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, недовѣрія къ Россіи; оно, повидимому, даже желало, чтобы Россія, имѣвшая столько поводовъ жаловаться на Турцію, потребовала и получила удовлетвореніе посредствомъ оружія. Такой взглядъ тюльерискаго кабинета на предстоящую русско-турецкую войну объясняется тѣмъ, что въ это время сама Франція поступила точно такъ же: она объявила европейскимъ державамъ о блокадѣ алжирскаго порта и рѣшилась принудить слабую алжирскаго деа дать ей удовлетвореніе за различныя обиды и оскорбленія.

Англия, запретишь, съ неудовольствіемъ и съ безпокойствомъ смотрѣла на приближеніе неизбежнаго столкновенія между Россіей и Турціей: лондонскій трактатъ былъ, со стороны севъ-джемскаго кабинета, только временною уступкою, чтобы предотвратить или, по крайвей мѣрѣ, отсрочить на неопредѣленное время паденіе отоманской имперіи, долженствовавшее, во всякомъ случаѣ, доставить Россіи и военный и торговый перевѣсъ на Востока. Англія готова была даже остановить исполненіе лондонскаго трактата, отдѣлиться отъ своихъ союницъ, Россіи и Франціи, и тайнымъ договоромъ присоединиться къ политикѣ дивана. Лордъ Веллингтонъ, какъ глава кабинета, не согласился однако поддерживать подобнаго рода дипломатическія интриги, уже имѣвшія въ результатѣ проектъ примиренія съ Портою; но, въ то же время, онъ усердно старался отговорить императора Николая отъ войны, на которую Европа смотрѣла, по его словамъ, недовѣрчиво, опасаясь, что война съ Турціей нарушитъ общій миръ, потрясетъ равновѣсіе и, рано или поздно, повлечетъ за собою серьезныя затрудненія. Знаменитый полководецъ и государственный человѣкъ слышкомъ много предавалъ вѣса своему вліянію на императора, своимъ мнѣніемъ и совѣтамъ. Всѣ его искусныя и настойчивыя усилія не могли замедлить ни однимъ днемъ объявленія войны, которая была рѣшена безвозвратно уже за нѣсколько мѣсяцевъ и началась бы ранѣе, если бы не воспрепятствовала суровая зима.

XVI.

Распоряженія императора по высшему государственному управленію на время отсутствія его величества въ предѣлахъ имперіи.—Числительная сила дѣйствующей арміи весною 1828 года.—Выступленіе въ походъ гвардейскихъ войскъ.—Манифестъ и декларация о войнѣ съ Турціей.—Отъѣздъ государя въ армію.

Еще въ послѣднихъ числахъ января 1828 г. императоръ избралъ государственнаго человѣка, котораго предполагалъ поставить въ главѣ администраціи дунайскихъ княжествъ, когда онѣ будутъ заняты русскими войсками. Выборъ государя палъ на новородійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора графа Палена (Федора), вслѣдствіе чего ему приказано было отправиться въ дѣйствующую армію и состоять при императорской главной квартирѣ. Начальникъ главнаго штаба его величества, графъ Дибичъ, и вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, также

были назначены находиться при императорѣ въ продолженіе всей кампаніи. Обязанности Дибича по званію начальника военныхъ поселеній возлагались временно на генерал-отъ-инфантеріи графа Толстаго, которому государь поручилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главное управленіе столицей. Вмѣсто графа Нессельроде не было назначено никого, потому что присутствіе вице-канцлера при императорѣ не препятствовало ему руководить политическими дѣлами. Графъ Кочубей, предѣдатель государственнаго совѣта, оставался, въ отсутствіе его величества, въ главѣ высшаго государственнаго управленія.

Предъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію, императоръ призналъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемены въ личномъ составѣ министровъ, чтобы сообщить административной власти и большую дѣятельность, и большее единство. Вмѣсто престарѣлаго адмирала маркиза Траверсе, жившаго за границей и лишь номинально управлявшаго морскимъ министерствомъ, вице-адмиралъ Моллеръ былъ окончательно утвержденъ въ должности морскаго министра. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ иновѣрныхъ исповѣданій, 74-лѣтній адмиралъ Шишковъ, слылъ въ общемъ мнѣніи систематическимъ врагомъ именно народнаго просвѣщенія, противодействию распространенію первоначальныхъ школъ взаимнаго обученія и переводу „Евангелія“ на русскій языкъ, тогда какъ императоръ Николай Павловичъ желалъ дать самое широкое развитіе и общему просвѣщенію, и въ особенности обученію элементарному, основанному на религиозныхъ началахъ. Шишковъ уступилъ свое мѣсто генералу-отъ-инфантеріи внязо Лавену (Карлу), другу покойнаго императора Александра; управленіе же дѣлами духовныхъ дѣлъ иновѣрныхъ исповѣданій образовало особый департаментъ, причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ и ввѣренный тайному совѣтнику Блудову. Финляндскій генералъ-губернаторъ Закревскій былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто тайнаго совѣтника Ланскаго.

По государственному совѣту императоръ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Предсѣдатели четырехъ департаментовъ совѣта (законовъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, дѣлъ военныхъ и государственной экономіи) должны были, въ отсутствіе его величества, собираться, вмѣстѣ съ оставшимися въ Петербургѣ министрами, по два раза въ недѣлю, и состав-

дѣять такимъ образомъ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея. Протоколы засѣданій имѣли быть представляемы императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ которой зависѣло окончательное утвержденіе и рѣшеніе по всемъ вопросамъ касавшимся внутренней администраціи. Императоръ же, съ которымъ, кромѣ вице-канцлера и начальника главнаго штаба, отправлялись въ армию вице-адмиралъ Меншиковъ, начальникъ морскаго штаба, и генералъ-интендантъ, сенаторъ Абакумовъ, предоставлялъ исключительно себѣ руководить, изъ своей главной квартиры, дѣлами внѣшней политики, военными и морскими.

Дѣйствующая армія состояла, къ веснѣ 1828 года, изъ трехъ корпусовъ, численностію около ста шести тысячъ человѣкъ. Въ третьемъ корпусѣ, подъ начальствомъ генерала Рудаевича, считалось сорокъ восемь баталіоновъ пѣхоты, тридцать два эскадрона регулярной кавалеріи, семь казачьихъ полковъ и девятнадцать артилерійскихъ ротъ, съ двумястами двадцатью восемью орудіями. Одна бригада (седьмая, въ числѣ 3,200 человѣкъ) была впрочемъ отдѣлена отъ этого корпуса, имѣвшаго 50,500 человѣкъ, въ морскую экспедицію, которую вице-адмиралъ Грейгъ, одновременно съ княземъ Меншиковымъ, долженъ былъ совершить противъ Анапы и другихъ турецкихъ крѣпостей на западномъ берегу Чернаго моря. Въ шестомъ корпусѣ, генерала Рота, состояло не болѣе 25,000 человѣкъ: двадцать четыре баталіона пѣхоты, шестнадцать эскадроновъ регулярной кавалеріи, пять казачьихъ полковъ и восемь артилерійскихъ ротъ, съ девяносто шестью орудіями. Седьмой корпусъ, генерала Воинова, имѣлъ 30,000 человѣкъ: двадцать четыре баталіона пѣхоты, столько же эскадроновъ регулярной кавалеріи, три казачьихъ полка, два баталіона саперовъ и пионеровъ и восемь артилерійскихъ ротъ, съ семидесятью шестью полевыми и сорока восемью осадными орудіями (*).

(*) Числовые данныя, приводимыя Полемъ Лакруа, не во всемъ согласны съ тѣми, которыя помѣщены въ „Описаніи турецкой войны 1828—1829 годовъ“ Н. Лукьяновича. На основаніи этого до сихъ поръ наиболѣе полнаго источника, вторая армія, при открытіи военныхъ дѣйствій въ апрѣлѣ 1828 года, состояла изъ 112,600 человѣкъ, считая и 4-й резервный кавалерійскій корпусъ (Вороздина), также осадныя, резервныя, батарейныя и горныя артилерійскія роты, инженерныя парки, равныя кругія команды и люди на елотіяхъ. Всего: 96 баталіоновъ, 126 эскадроновъ, 420 орудій, 11 казачьихъ полковъ. Въ мав 1828 года численная сила дѣйствующей арміи простиралась уже до 180,000 человѣкъ. Ред.

Начальник штаба второй армии, генерал Мисловъ (Павелъ Дмитриевичъ) настоялъ, однако у императора, чтобы численность действующей армии была доведена немедленно до 160,000 человекъ, объяснивъ въ запискѣ, приложенной къ плану кампаніи, что занятіе княжествъ въ продолженіе всей войны должно сдѣлать неподражными, отъ 30,000 до 40,000 человекъ при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій. Впрочемъ къ вышеоказаннымъ 106,000, признаннымъ достаточными военнымъ министерствомъ для открытія кампаніи, слѣдуетъ прибавить до 30,000 гвардейскихъ войскъ, которыя могли прибыть въ главную квартиру фельдмаршала графа Витгенштейна мѣсяца черезъ три или черезъ четыре. Въ началѣ апрѣля только авангардъ этихъ войскъ выступилъ изъ С.-Петербурга съ осадною артилеріей; но скорѣе получено было известіе, что онъ двигался чрезвычайно медленно, борясь съ величайшими затрудненіями по дорогамъ, сдѣлавшимся почти непроходимыми отъ весенней распутицы.

Предстояній отъѣздъ императора придавъ, если можно такъ выразиться, еще болѣе торжественный и болѣе величественный характеръ царковной службѣ въ день Воскресенія Христова. Всѣ приутожовавшіе въ храмѣ не могли, безъ глубокаго чувства, видѣть обѣихъ императрицъ, которыя едва удерживались отъ слезъ посреди радостныхъ пѣснопѣній, возносимыхъ Православною Церковью во славу воскресенія изъ мертвыхъ Спасителя. Замѣтили, что и государь, котораго привыкли видѣть веселымъ и улыбающимся при христосованіи, былъ блѣденъ, озабоченъ и задумчивъ. После вечерней молитвы императрицы, принимая обычныя поздравленія дамъ, носили на лицѣ своемъ слѣды сердечной грусти и глубокаго унынія: на глазахъ ихъ блеснули слезы. Для всѣхъ было очевидно, что ихъ величества со страхомъ смотрѣли на приближавшійся часъ долгой разлуки.

— „Когда возлюбленный сынъ мой Александръ разстался со мною и предпринялъ роковую поѣздку въ Тагарогъ—сказала императрица Марія Фёдоровна княгинѣ Волконской—я тревожилась такими же ошестеніями, а спустя четыре мѣсяца узнала о невознаградимой потерѣ. Люди любящіе другъ друга никогда не должны разлучаться... Скоро оставить насъ будетъ мой Николай, и за этотъ разъ мнѣ кажется, что я оставаюсь его....“

Не одни члены императорской фамилии, но и все тѣ, которые знали и понимали неблагоприятныя условия театра предстоявшей войны не могли быть покойны за здоровье императора. Врачи опасались появленія эпидемическихъ болѣзней между войсками, которымъ надлежало дѣйствовать въ странѣ нездоровой; въ публикѣ уже говорили, что въ египетскомъ лагерѣ возникла чума въ Морѣ и тайно передавали другъ другу слухи о новой чумѣ, называемой холера-жорбусъ, которая цѣлый годъ свирѣпствовала на берегахъ Панга и подвигалась въ Европѣ, распространяя на пути своемъ ужасъ и опустошеніе....

Праздникъ Пасхи 1828 года императоръ ознаменовалъ большимъ, противъ обыкновеннаго, числомъ различныхъ наградъ; особенно по военному вѣдомству было много произведствъ и назначеній.

Между тѣмъ наступили ясные и сухіе весенніе дни; дороги поправились и движеніе войскъ гвардейскаго корпуса продолжалось безостановочно. Тридцать тысячъ человѣкъ, долженствовавшихъ усилить дѣйствующую армію въ составѣ цѣлаго корпуса, выступали побригадно до двадцатыхъ чиселъ апрѣля и направлялись двумя колоннами на Кіевъ и на Житомиръ: часть пѣхоты и артилерія составляли лѣвую колонну, другая часть пѣхоты и кавалерія правую. Гвардейскія войска, превосходно снаряженные и являвшія прекраснѣйшій видъ, имѣли въ полномъ комплектѣ свои дѣйствующіе баталіоны и эскадроны, съ отличною, во всѣхъ отношеніяхъ, артилеріей. Въ столицѣ, для гарнизонной службы, остались лишь третьи баталіоны и дивизіоны, да кромѣ того прибылъ сюда первый резервный кавалерійскій корпусъ.

Каждый гвардейскій полкъ, выступая изъ С.-Петербурга, являлся въ Зимній дворецъ за своимъ знаменемъ, которое получалъ изъ рукъ императора. Его величество обращаясь при этомъ къ офицерамъ съ милостивыми словами и нанихъ относился къ отеческимъ пожеланіямъ; императрица, держа за руку великаго князя наследника и часто окруженная другими дѣтьми, также выходила изъ своихъ покоевъ проститься съ войсками. Затѣмъ полки, собравшіеся въ походной формѣ на дворцовой площади, были осматриваемы великимъ княземъ Михаиломъ и самимъ государемъ, котораго всегда сопровождали принцы Оранскій и Вильгельмъ Прусскій.

Въ четвергъ 19-го апрѣля (1-го мая), императоръ про-
водилъ смотръ послѣднему отряду гвардіи, состоявшему изъ
отборныхъ войскъ всѣхъ оружій. Въ главѣ отряда находился
великій князь Михаилъ, на другой же день уѣзжавшій въ ду-
найскую армію; послѣднимъ престолу былъ на авангартахъ
полковъ, который состоялъ шефомъ. Войска, послѣдуяими
всѣмъ своимъ обозомъ, въ ясный повонокъ котораго обращала
на себя вниманіе батарея Монгренновыхъ ракетъ, шло мимо
императора и обѣихъ императрицъ бодро, весело, увѣ-
ренныя въ побѣдѣ. Его величество, сказавъ лишь нѣсколько
глубоко прочувствованныхъ ободрительныхъ словъ, возвысилъ,
что не замедлитъ присоединиться къ нимъ и выстоитъ съ ними
принять участіе въ войнѣ праведной, національной, и позво-
лялъ проводить ихъ за Нарвскую заставу. Отвѣщая единодуш-
ными восклицаніями на слова императора, солдаты разсуждали
потомъ между собою: „святое дѣло задумалъ нашъ государь:
пора дать трезвонъ нехристамъ-туркамъ“. Толпа народа, са-
бравшійся на пути слѣдованія войскъ, улетали съ нестойкимъ
ихъ воинственнымъ настроеніемъ, сколько привлекеніемъ своего
почтительнаго сочувствія къ царю: всѣхъ хотѣлъ быть ближе
къ его величеству, насмотрѣться на него: передъ долгою раз-
лукою, увязать его взглядъ; но въ то же время слышались
кое-гдѣ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „война съ туркой
дѣло правое, да жалъ, что батюшка-царь уѣзжаетъ; лучше бы
онъ остался съ нами“.

Манифестъ о войнѣ съ Турціей былъ подписанъ въ суб-
боту 14-го апрѣля. На другой день, въ воскресенье, послѣ
божественной литургіи въ Казанскомъ соборѣ, митрополитъ
Серафимъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, вышелъ передъ
закрытыя царскія двери и возвѣстивъ православнымъ, чтобы
они выслушали внимательно то, что имъ будетъ объявлено.
Всгдѣ затѣмъ протоіакоу прочиталъ прошеянъ и внятымъ
голосомъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Оттоманскою Пор-
тою. По прочтеніи манифеста, царскія двери растворились и
началось колебаніе.

То же самое происходило и во всѣхъ другихъ церквахъ
столицы.

Въ манифестѣ объяснены были хотя и кратко, но въ стро-
гой исторической послѣдовательности, всѣ тѣ причины, кото-
рыя заставляли Россію поднять оружіе противъ Турціи. Въ

ночь было сказано, что бухарестскій миръ, заключенный съ Портою Османскою въ 1812 году, служилъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ предметомъ часто возобновлявшихся споровъ, несмотря на все усилія Россіи сохранить этотъ мирный договоръ, что Турція, не удовольствовавшись нарушеніемъ мира, нанесла оскорбленіе имперіи, объявивъ, что она согласилась на заключеніе яерманской конвенціи только потому, чтобы лучше скрыть свои замыслы и приготовленія къ новой войнѣ. Послѣ столь дерзкаго признанія, права русскаго орага были поправны, купеческія суда арестованы, грузы изъ захвачены, Воссоръ закрытъ для нашей торговли, въ неопредѣленному ущербу нашихъ южныхъ губерній, и всѣмъ русскимъ подданнымъ предоставлено на выборъ: или нарушить вѣрно-подданническую присягу, или немедленно удалиться изъ предѣловъ турецкихъ владѣній. Слѣдовательно и честь русскаго имени, и достоинство имперіи, и ея права, и национальная слава требовали примѣрнаго наказанія мусульманской орды, нарушившей надъ всѣми основами международнаго права и надъ самыми священными обязательствами.

На другой день обнародованія высочайшаго манифеста, приказъ со войскамъ, подписанный тѣмъ же числомъ, былъ отправленъ въ главную квартиру графа Витгенштейна, и прочитанъ гвардейскимъ полкомъ, выстувавшимъ въ походъ. Въ этомъ приказѣ также объяснились вкрадчѣ причины войны, предпринимаемой въ защиту правъ, купленныхъ русскою кровью, и для прекращенія смуты и кровопролитія въ сопредѣльныхъ имперіи странахъ.

За два дня до обнародованія манифеста, указы, данными правительствующему сенату, губерніи Подольская, Херсонская и Бессарабская область были объявлены въ военномъ положеніи. Въ одномъ изъ этихъ указовъ было сказано, что для управленія княжествами Молдавіей и Валахіей ево величество сдѣлалъ особыя распоряженія, которые будутъ приведены въ исполненіе тотчасъ по занятіи княжествъ русскими войсками; все же другія мѣстности, по мѣрѣ вступленія въ нихъ войскъ, поступали, по продовольственной части, во временное вѣдѣніе сенатора Абакумова, генераль-интенданта дѣйствующей арміи. Для обезпеченія же продовольствія войскъ, вывозъ хлеба изъ Одессы и изъ другихъ черноморскихъ портовъ былъ ограниченъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, манифестомъ отъ 14-го

того же апрѣля объявить была рекрутскій наборъ по четыре-
 тековѣка съ тысячи на всѣмъ пространствѣ имперіи, кромѣ
 южнихъ губерній, которыя, уже бывъ обременены различными
 повинностями по сосредоточенію и прокождѣнію здѣсь войскъ,
 должны были поставить только одного человека съ тысячи.
 Этотъ чрезвычайный наборъ, долженствовавшій дать до 500,000
 рекрутовъ, показывалъ, что война могла принять большіе раз-
 мѣры и, быть можетъ, превратится въ войну европейскую.

По общему плану кампаніи, въ то время, когда армія
 фельдмаршала графа Витгенштейна будетъ провѣдать въ са-
 мое сердце Турціи, войска кавказскаго корпуса, тольво что
 кончившія персидскую войну, назначались произвести смѣльную
 диверсію въ азіатскую Турцію. Россія нечего было опасать-
 ся, по крайней мѣрѣ при самомъ открытіи военныхъ дѣй-
 ствіи, со стороны Персіи, которая, въ эту минуту, исполняла
 условія туркманчайскаго договора. Уже получено было извѣ-
 стіе, что военная контрибуція, уплаченная персидскимъ пра-
 вительствомъ, была привезена въ Тифлисъ подъ конвоемъ ба-
 таліоновъ своднаго гвардейскаго полка. Двадцать шесть повозокъ,
 нагруженныхъ золотомъ и запряженныхъ рослыми лошадьми,
 подъ богатыми коврами, имѣли торжественный звѣздъ въ го-
 родѣ при радостныхъ восклицаніяхъ жителей, которымъ каза-
 лось, что въ стѣны Тифлиса возвращаются сокровища, увезен-
 ныя некогда свѣршимъ завоевателемъ Ага-Мохамедомъ, родо-
 начальникомъ царствующей династіи шаховъ.

Такъ какъ манифестъ 14-го апрѣля, предназначенный для
 русскаго народа, не могъ имѣть вліянія на общественное мнѣ-
 ніе въ Европѣ, то, по повелѣнію императора, графъ Нессельроде
 присоединилъ къ нему новую декларацию, въ которой были из-
 ложены всѣ побудительныя причины войны, предпринимаемой
 Россіей не исключительно для мести за завазанія Порты за неоднократ-
 нѣя оскорбленія и нарушение трактатовъ, но и для достиже-
 нія общихъ выгодъ, политическихъ, торговыхъ и международ-
 ныхъ. Въ этомъ дипломатическомъ документѣ, замечательномъ
 неопровержимою логикою и здравымъ смысломъ, императорскій
 кабинетъ выставлялъ на видъ, что Турція, со времени буна-
 рестскаго трактата, постоянно нарушала его условія и укла-
 нялась отъ исполненія своихъ обязательствъ и обещаній, и что,
 особенно съ 1821 года, враждебное направленіе ея политики
 приняло невыгодный и явно-попривлеченный характеръ. По-

слѣдствіе разсчитанной недобросовѣстности и дерзости, источникъ долготерпѣніе императора Александра и оныя рѣшился предпринять противъ Порты Оттоманской ибры, согласившійся съ правами и интересами имперіи. Императоръ Николай, вступивъ на престолъ и желая сохрѣнить миръ, приносилъ все жертвы, какія только могли быть принесены безъ ущерба его чести и достоинству: Турція переволила чану, позволивъ себѣ, въ официальномъ секретномъ документѣ на имя своихъ агентовъ, призывать къ оружію противъ Россіи все народы, исповѣдающіе религію Мохамеда, и нагло провозгласить, что подписала акермянскую конвенцію единственно для того, чтобы успѣвъ приготовиться къ священной войнѣ съ русскими, которыхъ называла заклятыми врагами ислама. Турецкое правительство не только посатнуло на все привилегіи русскаго слага, наложило амбарго на суда, конфисковало грузы, подвергнуло оскорбленіямъ капитановъ коммерческихъ кораблей, выгнало изъ своихъ вѣдѣловъ русскихъ подданныхъ, но, при послѣдней попыткѣ Персіи уклониться отъ подписанныхъ уже обязательствъ, доказано было положительными и неопровержимыми фактами, что константинопольскій диванъ возбуждалъ шаха къ новой войнѣ.

Россія была, слѣдовательно, вынуждена объявить войну Оттоманской Портѣ. „Причины этой войны — сказано было въ деклараціи — достаточно указываютъ на ея послѣдствія. Вызванная Турціей, она на нее возлонитъ уплату за все издержки и за убытки, немезовные подданными его императорскаго величества. Предпринятая съ цѣлю возвратить силу трактатамъ, которме Порта объявила несуществующими, эта война упрочитъ соблюденіе и дѣйствительность договоровъ. Произведенная настоятельно необходимою обезпечить за торговлею Чернаго моря и за судоходство по Босбору свободу отнынѣ неирисосновенную; она будетъ направлена къ этой цѣли, равно полезной всемъ европейскимъ государствамъ“.

О.-петербургскій кабинетъ, откровенно изложивъ результаты, ожидаемые Россіей отъ войны, протестовалъ анергически противъ приписываемыхъ ему честолюбивыхъ замисловъ. „Довольно земель и народовъ — говорятъ оныя — находятся подъ владычествомъ Россійской имперіи; довольно заботъ требуетъ обширность владѣній Россіи“. Не завоеванія ишлись въ виду, а тѣмъ менѣе уничтоженіе оттоманскаго государства; Россія, прибѣгая къ оружію по своимъ собственнымъ дѣламъ, не отказы-

влезъ содѣйствовать, вмѣстѣ со своими союзниками, исполненію лондонскаго трактата и усердно стремиться къ осуществленію, котораго требовали и религія, и человечество, и честь.

Декларация о войнѣ, сообщенная всѣмъ европейскимъ кабинетамъ, была въ то же время передана, по повелѣнію императора, и константинопольскому дивану; но она дошла до него только 12-го мая (нов. ст.), вмѣстѣ съ извѣстіемъ о вступленіи русскихъ войскъ въ дунайскія княжества. Графъ Нессельроде присоединилъ къ деклараціи отвѣтъ на письмо, адресованное ему великимъ визиремъ отъ 24-го декабря 1827 и содержавшее въ себѣ жалобы на дѣйствія тайнаго союзника Рибопьера. Говоря о замедленіи отвѣта, вице-канцлеръ объяснял, что это было сдѣлано по волѣ императора, который желалъ дать Оттоманской Портѣ время измѣнить свое достойное сожалѣніе рѣшеніе. Что же касается до образа дѣйствій тайнаго союзника Рибопьера въ Константинополь, то графъ Нессельроде могъ только вновь одобрить оный, какъ во всемъ сообразный съ инструкціями правительства и съ волею монарха. „Его величество видѣлъ съ глубокою горестію — писалъ вице-канцлеръ — что высокая Порта, вмѣсто того, чтобы оцѣнить очевидно дружественную политику, противопоставила ей дѣйствія, уничтожающія трактаты съ Россіей, нарушила главныя статьи оныхъ, посягнула на свободу черноморской торговли и русскихъ водныхъ путей и возвѣстила всѣмъ мусульманамъ свою твердую рѣшимость отплатить зломъ за добро, войною за миръ, и никогда не исполнять торжественныхъ договоровъ“.

Объявивъ войну Турціи, императоръ Николай надѣялся однако, что Порта одумается и подастъ руку примиренія. „Если уполномоченные его высочества султана — прибавилъ вице-канцлеръ — явятся въ главную квартиру главнокомандующаго русскими арміями, то они найдутъ тамъ наилучшій пріемъ, коль скоро высокая Порта придетъ изъ съ примодушнымъ намѣреніемъ возобновить во всей силѣ договоры, соединившія оба государства, пригнужить къ обязательствамъ, состоявшимся, 6-го іюля 1827, между Россіей, Англіей и Франціей, навсегда устранить поношеніе поступковъ, подающихъ его императорскому величеству справедливые поводы къ войнѣ, наконецъ вознаграждать убытки, причиненные дѣйствіями отоманскаго правительства, и военные расходы, которые будутъ возрастать

въ прямой соразвѣрности съ продолженіемъ испривлеченныхъ отношеній“.

„Это письмо, въ которомъ графъ Нессельроде выражалъ столь искреннія желанія о возобновленіи добраго согласія между двумя государствами, было тѣмъ же: кромѣ весьма твердымъ и весьма точнымъ ультиматумомъ. Изъ него диванъ могъ усмотрѣть, что императоръ Николай, соглашаясь открыть переговоры, не хотѣлъ однако останавливать дѣйствій своей арміи до окончательнаго заключенія мира. Письмо указывало и на путь, которымъ Россія предполагала слѣдовать въ томъ случаѣ, если бы европейскія державы убѣдили Порту согласиться на дружескую сдѣлку. По этой причинѣ, вице-канцлеръ препроводилъ копию съ своего письма къ великому визирю на имя барона Анштета, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Германскомъ Сеймѣ.“

„Письмо, прилагаемое мною, по повелѣнію государя императора, къ вашей деклараціи — исказъ графъ Нессельроде — свидѣтельствуетъ, что отъ Порты зависитъ заключить миръ и что если, съ одной стороны, мы не можемъ начать переговоры, такъ какъ это лишило бы насъ цѣлой кампаніи — коль скоро переговоры повлекли бы за собою прекращеніе военныхъ дѣйствій — то, съ другой стороны, наша единственная мысль заключается въ открытіи новыхъ путей къ примиренію столько не скорому, сколько прочному“.

Но султанъ Махмудъ и не думалъ рѣшиться даже на косвенную попытку примиренія съ Россіей. Богѣ ятъ когда-либо онъ былъ поддерживаемъ въ своемъ уперствѣ министрами, которые, полагаясь на обѣщанія Австріи и идя въ виду основныя начала Священнаго Союза, оставались въ утѣренности, что европейскія державы воспрепятствуютъ войнѣ и не допустятъ общаго пожара на Востокѣ. Самые умные члены дивана вѣрили, что неминуемымъ послѣдствіемъ угрозы Россіи будетъ уничтоженіе лондонскаго трактата или, по крайней мѣрѣ, безмолвное отреченіе отъ него.

А между тѣмъ вснадры трехъ державъ продолжали свои совмѣстныя дѣйствія: онѣ безпощадно потребляли морскіе разбои въ Архипелагѣ и угрожали блокадею Морею, гдѣ египетская армія Ибрагима-паши, поставленная въ невозможность продолжать губительную войну, принуждена была принять перемиріе. Въ то же время эллинское правительство организова-

дось и приближилось подъ искуснымъ и дѣятельнымъ руководствомъ графа Кано-д'Истрин, вступившаго наконецъ въ должность президента Греціи. О блокадѣ Дарданель русскими оло- томъ не было бодрѣ рѣчи; но вице-адмиралъ графъ Гейденъ объявилъ во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря, что онъ будетъ захватывать, какъ военную контрабанду, всякое судно, нагруженное порохомъ и военными снарядами, какимъ бы образомъ оно ни прикрывалось. Въ Константинополѣ опасались нападены русскаго флота, когда узнали, что русскіе корабли появились у входа въ Босфоръ; народъ продолжалъ впрочемъ пребывать въ обычной апатіи, несмотря на неоднократное оповѣщеніе, чтобы всѣ мусульмане готовились вооружиться на священную войну. Байрамъ былъ отпразднованъ спокойно; Макмудъ, присутствовавшій на немъ, казался невозмутимымъ, члены дивана также не обнаруживали ни малѣйшаго смущенія, хотя прусскій посланникъ не разъ убѣждалъ рейсъ-всегда обдумать важность и затруднительность положенія. Распространился даже слухъ, будто миръ не будетъ нарушенъ, послѣ того какъ султанъ отправился со своимъ харемомъ въ обычную лѣтнюю резиденцію.

Въ это самое время императоръ Николай Павловичъ уже готовился вѣхать въ дѣйствующую армію.

Графъ Дибичъ, назначенный генералъ-квартирмейстеромъ этой арміи, отправился туда еще 12-го апрѣля съ привазами и инструкціями объ открытіи кампаніи. Великій князь Михаилъ являлъ только выслушанія послѣдняго отряда гвардіи, чтобы поспѣшить на театръ войны, гдѣ, въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, долженъ былъ лично руководить первою осадкою турецкой крѣпости.

Петербургъ замѣтно пустѣлъ. Великая княгиня Елена Павловна уѣхала, съ дѣтьми, въ Германію тотчасъ по отбытіи великаго князя; императрица Александра Теодоровна готовилась къ отъѣзду въ Одессу съ многочисленною свитою; вдовствующая императрица, оставаясь въ С.-Петербургѣ, какъ представительница верховной власти, предположила вести самый уединенный образъ жизни во все время отсутствія своего державнаго сына. И не только императорскіе дворцы, но и большинство аристократическихъ домовъ утрачивали съ каждымъ днемъ свой оживленный видъ, потому что семейства мно-

галь-гвардейскихъ генераловъ и оендеровъ разъѣхались или собирались разъѣхаться въ ближайшія къ театру военные дѣйствія мѣстности.

Въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ государя царственная семья присутствовала, 23-го апрѣля, въ день тезоименитства императрицы Александры Освдоровны, при божественной литургии въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ литургии его величеству представлялись члены дипломатическаго корпуса, а императрица Александра Освдоровна принимала поздравленія. Государь былъ молчаливъ и серьезенъ; объ императрицы взволнованы и озабочены.

Наконецъ насталъ день разлуки. Утромъ 26-го апрѣля, его величество, въ сопровожденіи принцевъ Оранскаго и Прусскаго, присутствовалъ на парадѣ войскъ, оставшихся въ С.-Петербургѣ, и объявилъ имъ о своемъ отъѣздѣ. Очевидно расстроганный пожеланіями войскъ очастливаго окончанія войны, здоровья и скорого возвращенія, государь сказалъ:

— Сожалю, что васъ не будетъ со мною. Съ Божіею помощію, война окончится къ пользѣ и славѣ нашего отечества.... Дѣло наше правое.... Да благословитъ Богъ!

Затѣмъ въ Казанскомъ соборѣ совершено было молебствіе въ присутствіи императорской фамили. Церковь, площадь и всѣ прилегающія улицы были переполнены народомъ, собравшимся проводить своего монарха. Вечеромъ императоръ сѣлъ въ дорожную коляску съ принцемъ Оранскимъ, который помогалъ сопутствовать его величеству до Витебска. Здѣсь принцъ, не безъ сожалѣнія, уступилъ свое мѣсто генераль-адъютанту Бенндорфу, шефу жандармеріи и командиру главной императорской квартирою. Ему выпало на долю быть неразлучнымъ спутникомъ государя въ продолженіе всей кампаніи.

(Продолженіе будетъ.)